
НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ: МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА

О.И. Зевелева
(Москва)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД И КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЧЕТАНИЯ¹

В статье рассматриваются возможности сочетания биографического метода и метода критического дискурса-анализа. Изложены основные положения и базовые принципы этих методов, перспективы их сочетания, приведен пример эмпирического исследования, в рамках которого такое сочетание подходов открывает новые интерпретативные возможности.

Ключевые слова: дискурс-анализ, биографические исследования, миграция, качественные методы.

Введение

Попытка соединить дискурс-анализ и биографический подход в одном исследовании может дополнить современные биографические исследования развернутым инструментарием, который позволит учесть институциональные контексты биографических рассказов. Биографические данные в свою очередь могут расширить дискурс-аналитическую оптику, которая обычно основывает-

---

Ольга Игоревна Зевелева – аспирант кафедры анализа социальных институтов факультета социологии, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ. E-mail: ozeveleva@hse.ru.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

ся на текстовых источниках с ссылкой на институты, которые их производят, без учета действий релевантных акторов. Сочетание этих методов может позволить, работая с текстами и анализируя язык, рассмотреть одну проблему с двух сторон: биографически и институционально.

Тем не менее, данные методы редко используются в рамках одного исследования. За последние два года появились эмпирические работы, авторы которых совмещают приемы биографического метода с дискурс-аналитическими приемами, но в рамках социальных наук пока отсутствует глубокая методологическая рефлексия на эту тему. Р. Вундрак, например, исследовала, сочетая дискурс-аналитические приемы с этнографией, сообщества китайских мигрантов в Румынии в свете общественного дискурса о китайском районе Бухареста [1]. М. Пон-Вайдингер в работе о женщинах, занятых на расчистке города от развалин после Второй мировой войны, изучает их биографические рассказы в контексте дискурсивного конструирования разных типов жертв войны в австрийском обществе [2]. В статье «Хакамада – опыт деконструкции политической биографии» Е.Ю. Рождественская показывает, что во время биографического интервью респондент иногда отказывается от выстраивания рассказа о своем жизненном пути в форме нарратива, представляя интервьюеру вместо этого готовый конструкт политической идентичности [3]. Такие интервью пронизаны политическими дискурсами. И тогда Рождественская предлагает работать с «дискурсивной текстуральностью» и исследовать, как в интервью производятся значения [3]. При анализе интервью с Ириной Хакамой Рождественская использовала метод дискурс-анализа Н. Фэркло.

Все эти исследования включают в себя элементы сочетания методов, но авторы не применяют к сбору и анализу данных полный набор операций и биографического метода, и критического дискурс-анализа в сочетании.

Автор статьи предлагает рефлексии на тему сочетания расширенного инструментария каждого из этих двух методов в рамках

одного исследовательского проекта¹. Далее приводится пример сложившейся в рамках социологии программы исследования биографий по Г. Розенталь, а также получившей широкое распространение школы критического дискурс-анализа по З. Йегеру. Эти подходы схожи по степени формализации поэтапного сбора и анализа данных, но применимы к их разным типам. Поэтапное описание обработки социологических данных представителями биографической и дискурс-аналитической школ позволяет продемонстрировать плодотворность сочетания двух методов. При этом уделяется внимание и важным методологическим различиям между школами – это важно для поиска ответов на вопросы: почему эти методы редко сочетаются? – какие типы данных «подходят» для каждого из методов? Возможность соединения двух методов в рамках одного проекта продемонстрирована на примере исследования идентичности российских немцев, проживающих в Германии.

Основные характеристики биографического метода

Биографический метод в социальных науках является преимущественно качественным подходом, основанном на изучении истории жизни индивида. Распространённая традиция биографического метода базируется на способах проведения и анализе нарративно-биографических интервью такими исследователями, как Ф. Щютце, Г. Розенталь, У. Апитч, М. Кеттиг, М. Коли, Г. Лутц в Германии; Д. Берто, К. Делаacroa во Франции; К. Кажмирска, Т. Ференч в Польше; Р. Брекнер в Австрии; Е. Рождественская, В. Семенова в России.

---

¹ Автор не относит сочетание биографических методов и критического дискурс-анализа к «смешанным исследованиям» (*mixed methods research*), так как понятие «смешанные исследования» обычно подразумевает сочетание качественных и количественных методов. Здесь речь идет о качественном исследовании, которое сочетает в себе традиции различающихся между собой подходов.

Мы сконцентрируемся на подходе Г. Розенталь, которая с середины 1990-х и на протяжении 2000-х гг. разрабатывает для социологического изучения биографий формализованный инструментарий, который активно воспроизводится немецкими, британскими, польскими, французскими и российскими исследователями, в том числе и в групповых проектах. Подобные проекты включают в себя, например, ряд исследований: 1990 г. – социальной мобильности в России в трех поколениях (руководитель – Д. Берто); начало 2000-х гг. – локальной динамики социальной изоляции в городе (руководитель – К. Делаacroa); 2005 г. – молодежи в условиях профессиональной подготовки (руководитель – М. Кеттиг); 2009–2011 гг. – семей российских немцев в Германии (руководитель – Г. Розенталь).

Современные биографические исследования по Г. Розенталь основаны на ряде допущений. Для того чтобы понять и объяснить, например, социальный феномен или социальное действие, необходимо реконструировать их происхождение, преобразование и преемственность, важно знать не только о факте их существования, но и о их развитии во времени. Восприятие индивидом в настоящем собственных действий в прошлом на основе биографического рассказа помогает упорядочить его (конкретного индивида) жизненный опыт [4], который в свою очередь необходимо рассмотреть в контексте всего биографического опыта этого человека [5, S. 178]. Согласно данному подходу, анализ частных биографий важен для изучения общества в целом, так как при рассмотрении каждой жизненной траектории можно выявить те социальные условия, которые сделали возможной отдельно взятую биографию.

Метод Г. Розенталь включает в себя два этапа исследования: интервью и последующий анализ в форме реконструкции биографии. Нарративно-биографическое интервью по Г. Розенталь проводится в соответствии со строгим разделением на части: первая часть – нарративная, когда интервьюер задает респонденту первый вводный вопрос о его жизни в целом. Во время ответа интервьюер

не должен прерывать респондента или задавать уточняющие вопросы. Ответ респондента на вводный вопрос может длиться от 15 мин. до полутора часов. Это называется «нарративный блок». Вторая часть заключается в расспросе: интервьюер в хронологическом порядке может задать респонденту множество открытых уточняющих вопросов, что должно стимулировать нарративы [5, S. 151]. Нарративы как совокупность событий жизни рассказчика тем самым обрамляют его индивидуальный опыт [4, с. 77].

Дальнейший анализ транскрипта интервью Розенталь называет «реконструкция кейса» [5, S. 187]. «Реконструкция» в данном контексте означает подробное письменное описание событий. Согласно данному методу, исследователь своими словами выписывает в хронологическом порядке все, что релевантно для интервью и для исторических эпох, описанных респондентом. Сама реконструкция кейса – это составление списка событий, известных из интервью, и формулировка гипотез о каждом из них. Это требует глубокого понимания исторического контекста всех событий. В рамках реконструкции также проводится анализ отдельных важных отрывков из интервью [5, S. 202]. Это позволяет сличить рассказанное с произошедшим, а также рассмотреть его в свете различных возможностей в историческом контексте.

При построении своего метода Г. Розенталь, стараясь учесть критику предшествующих биографических подходов, разработала наиболее полный инструментарий для изучения биографий. Например, Г. Буде в конце 1980-х гг. критиковал Ф. Щютце, учителя Г. Розенталь, указывая, что в его подходе к биографическому исследованию рассказ и опыт индивида сводятся к единому целому, и достоверность рассказа не проблематизируется [6]. Г. Розенталь по этой причине разводит «жизнь рассказанную» и «жизнь прожитую», предусматривая в своем методе на стадии реконструкции кейса проверку исторических и биографических фактов с помощью внешних источников, а также выявление противоречий и неточностей в нарративах [5, S. 186]. Г. Розенталь также называет

цель анализа – выявление смыслов, которыми респондент наделяет свой жизненный опыт именно в момент интервью, тем самым отвечая на критику П. Алхайта, заметившего, что индивиды постоянно переосмысляют свой жизненный опыт в зависимости от контекста [7]. Тут возникает вопрос, насколько качественно проведено интервью, так как это влияет на интерпретативные возможности при его обработке. Не каждое интервью содержит в себе нарратив, полный набор базовых событий в жизни респондента, и не каждое интервью может дать результат при реконструкции кейса. Такие проблемы устраняются путем накопления опыта интервьюирования.

Основные характеристики критического дискурс-анализа

Дискурс-анализ представляет собой исследовательскую программу в рамках социальных наук на стыке лингвистики, политологии и социологии. В ходе лингвистического анализа дискурсов стремятся изучить, как индивиды взаимодействуют с помощью языка и интерпретируют лингвистические коды [8, p. iv]. В лингвистике «дискурс» помогает понять, как предложения в речи или в тексте связаны между собой и как они формируют значения [9, p. 18]. Лингвистические подходы стали важными для и политологов после конструктивистского поворота в их науке, благодаря которому язык обрел важный статус в объяснениях при ответе на вопрос, как формируется политическая реальность [10]. На протяжении 1980-х гг. и политологи, и представители других социальных наук изучали, каким образом дискурсы отражают властные отношения в политике и в обществе, а властные отношения в свою очередь – дискурсы [11].

Обратимся теперь к критическому дискурс-анализу, ставшему популярным в социологии в последние годы. Исследователи этой школы предпринимают попытку операционализировать некоторые идеи М. Фуко. В разработку данного направления внесли значи-

тельный вклад З. Йегер, Ф. Майер, Р. Водак, Н. Фэркло, Т.А. ван Дейк, К. Кэмпбелл, Р. Келлер, Л. Филлипс, и М. Йоргенсен.

Критический дискурс-анализ исследует роль дискурсов в воспроизводстве власти и доминирования [12, р. 249]¹. «Дискурс» в рамках этой парадигмы определяется как институционализированный способ коммуникации, который регулирует и воспроизводит определенные социальные практики, а следовательно, выступает источником власти [13, S. 60]. Тем самым дискурсы не только отражают, но и создают реальность [14, р. 36]. Метод критического дискурс-анализа, как правило, применяют, когда изучают текстовые источники, такие, например, как новостные или медиа ресурсы, нормативно-правовые акты, исторические документы, официальные высказывания или речи.

З. Йегер и Ф. Майер, основываясь на традициях М. Фуко, разработали поэтапный метод качественного критического дискурс-анализа [14]. Это один из возможных подходов к критическому дискурс-анализу, который активно применяется в немецкой социологической среде и сочетает в себе базовые элементы многих подходов других исследователей, работающих в данном ключе [15; 16]. Данный метод заключается в циклическом анализе текстовых данных – начиная со структурной характеристики дискурсивной нити, глубокого анализа типичных дискурсивных фрагментов, и заканчивая общими заключениями. Дискурсивная нить – это аналитическая конструкция, которую Йегер определяет как сумму текстовых фрагментов (фрагментов дискурсов) на одну тему [14, р. 46]. Такой темой может быть, например, «русские немцы в Германии».

На начальной стадии, сразу после формулировки исследовательского вопроса, Йегер призывает сформировать список необходимых источников. Далее требуется обосновать релевант-

---

¹ «Доминирование» в рамках этой парадигмы обозначает власть (в значении «влияние») институтов и групп, которая приводит к неравенству (политическому, культурному, классовому, этническому, расовому, гендерному, и т.д.) [12, р. 250].

ность каждого источника в контексте исследовательского вопроса. Следующую стадию отбора материала и анализа Йегер назвал «структурный анализ» [14, р. 53]. На этом этапе описывают весь корпус документов, составляющих дискурсивную нить, дают краткую характеристику каждому документу, вычленяют важные темы внутри корпуса и фиксируют частоту их упоминания, а также связи с другими дискурсивными нитями («дискурсивные сплетения») [14, р. 54]. В рамках этого этапа данные о каждом документе вносят в таблицу. На основе структурного анализа источников отбирают типичные фрагменты дискурса. Затем приступают к изучению контекста, изложению характеристик фрагмента (визуальные элементы, структура изложения, затронутые темы), фиксации риторических приемов (форма аргументации, символы, тропы), вычленению идеологической составляющей и общего замысла текста [14, р. 55]. Наконец, формируется характеристика целой дискурсивной нити в целом, что позволяет ответить на вопросы, какие просматриваются идеологические взаимосвязи, с помощью каких приемов эти взаимосвязи поддерживаются на уровне языка, а также кем и как в обществе конструируются определённые представления о заданной теме и какие идеологии и иерархии за этим стоят.

При использовании метода критического дискурс-анализа возникает проблема выборки: не очерчены четкие границы возможных эмпирических данных, которые отбираются на основе значений, которые вкладывает исследователь в тот или иной источник. Также проблематичным может оказаться и циклический характер постоянного выписывания краткого содержания разных текстов. При некоторых обстоятельствах анализ можно подменить описанием содержания источников, кроме того, метод критического дискурс-анализа не предусматривает схемы, следуя которой можно перейти с дескриптивного на следующий уровень анализа [17]. Тем не менее, критический дискурс-анализ по З. Йегеру распространен в среде социологов и политологов, и появилось множество групповых и индивидуальных исследований,

где успешно применяется такой подход. В частности, Совет по экономическим и социальным исследованиям (*Economic and Social Research Council*) на протяжении десяти лет (1996–2006) финансировал проект по изучению дискурсов в прессе Великобритании о беженцах и лицах, ищущих убежище. Данному подходу также посвящены несколько известных академических журналов, таких как *Critical Discourse Studies*, *Discourse and Society*, *Discourse and Communication* и *Discourse Studies*.

Проблемы сочетания

Проблемами сочетания данных подходов отчасти можно объяснить, почему до сих пор появилось мало эмпирических исследований, где применяют одновременно биографический метод и критический дискурс-анализ. Рефлексия на тему противоречий между подходами также необходима, чтобы исследователь мог вдумчиво отбирать материал, пригодный для каждого из этих методов. Несмотря на то что продолжатели обеих традиций работают с текстовыми данными и с анализом языка и контекста, те из них, кто использует биографический метод, редко пересекаются с теми, кто применяет критический дискурс-анализ. Это связано с множеством факторов: разные траектории развития школ в разных социологических сообществах, различающиеся основные источники исследований (эмпирический материал), разные взгляды на агентность в обществе, а также соотношение общего и частного, или генерализируемого и специфичного.

Представители данных школ не совмещают эти методологические подходы при анализе и сборе данных, и здесь главная причина заключается в их институциональном разделении. Школы развивались в разных контекстах непересекающихся групп исследователей. Биографический подход формализовался в 1980–1990-е гг. в Германии. В 1970-е гг. критический дискурс-анализ был впервые разработан и формализован как отдельный подход в Ланкстерском

университете при школе лингвистики, его создатели опирались на теории М. Фуко. Исследовательский комитет «Биография и общество» (номер 38) появился в 1984 г. в рамках Международной социологической ассоциации, и с тех пор остается в среде социологов, изучающих биографии, главной платформой для обмена опытом и разработками. Основой институционализации школы критического дискурс-анализа стал симпозиум, созданный в Амстердаме в 1991 г., который продолжает существовать в качестве рабочей группы по сей день. В 1990 г. был основан также журнал «Дискурс и общество» (*Discourse and Society*), до сих пор остающийся центром разработки и эволюции критического дискурс-аналитического метода и его разновидностей. Так, биографические исследователи с 1980-х гг. общаются между собой в панелях, секциях конференций и рабочих группах, отдельно от представителей школы дискурс-анализа. Редко встречается и цитирование авторов одной школы в работах сторонников другой. Несмотря на то что представители обеих школ работают с текстами, дискурсами и с похожими исследовательскими проблемами (к примеру, расизм, национализм, миграция, социальные движения), диалог между ними практически отсутствует.

Есть различия и в аналитических конструкциях, которыми оперируют представители школ. Одно из ключевых разногласий – выбор источников для исследования. Сторонники критического дискурс-анализа настаивают, что объектом изучения должны быть публичные и общественные дискурсы [12]. Следовательно, источники, которые произведены с участием и, соответственно, под влиянием самого исследователя (например, частные исследовательские интервью), не могут рассматриваться в качестве текстов, отражающих публичный или общественный дискурс. Биографический метод по Г. Розенталь, напротив, основан преимущественно на материале, который производит сам социолог в процессе взаимодействия с респондентом. Критический дискурс-анализ может быть применен, например, к тексту речи представи-

теля государственных органов или к опубликованному интервью с активистом. В таком методологическом контексте авторов текстов следует рассматривались как представителей своего института или своей группы, а их слова анализировать в институциональном контексте. Таким образом, помимо разницы в самих эмпирических источниках биографических исследований и критического дискурс-анализа, различается и понимание их производства. В случае биографического метода акцент ставится на взаимодействии исследователя и респондента, что порождает уникальный рассказ, а в случае критического дискурс-анализа внимание уделяется институциональным рамкам текста, который производится определенной невидимой социальной и политической средой.

По этой причине, когда прибегают к биографическому методу либо, напротив, к критическому дискурс-анализу, по-разному проходит рефлексия на тему роли и нормативной позиции исследователя. При применении биографического метода по Г. Розенталь роль социолога особенно важна на этапе проведения интервью, так как степень доверия и властные отношения между участниками влияют на рассказ респондента, который потом ложится в основу анализа его истории. Опыт социолога также играет роль на этапе реконструкции биографии. Поэтому исследователи биографий часто стараются работать в группах, где несколько человек коллективно или по отдельности трудятся над реконструкцией кейса, потом сличают свои варианты. В рамках критического дискурс-анализа по схеме Йегера мы обязаны обозначить свою нормативную позицию по отношению к предмету своего исследования с самого начала – при выборе темы [14, р. 36]. Это необходимый шаг, так как критический дискурс-анализ нацелен на раскрытие идеологических и нормативных позиций в обществе или в рамках институтов, и сперва необходимо понять и обозначить собственное место в матрице властных отношений и иерархий, связанных с темой.

Из перечисленных выше различий следует, что в рамках биографического метода и критического дискурс-анализа по-разному

поставлен вопрос об агентности индивида. В то время как в биографических исследованиях индивид (респондент) выступает главным агентом своей биографии и общества в целом, в рамках критического дискурс-анализа агентами становятся институты. И понятно почему: структуры в обществе формируют общественный порядок и дискурсы, а дискурсы в свою очередь – общественный порядок и структуры.

Школы биографического метода и критического дискурс-анализа по-разному трактуют также соотношения специфического и общего. Исследователи биографий работают с особенностями отдельно взятого кейса и находят элементы общего в каждой специфической истории жизни, а критический дискурс-анализ применяется к текстам, которые прошли отбор по отражению «общей» точки зрения института или группы. Для выявления «общей» позиции проводится анализ типичных фрагментов дискурса. Критический дискурс-анализ нацелен на понимание идеологий и нормативных позиций, доминирующих в обществе, в группе, в определенной среде или в институте.

Наконец, базовое различие методов заключается в разнице между исследовательскими вопросами – теми, которые рассматриваются с помощью биографического метода, и теми, на которые помогает ответить метод критического дискурс-анализа. Исследовательские вопросы в традиции биографической социологии, как правило, носят открытый характер и могут быть уточнены во время сбора и анализа эмпирического материала. Эти вопросы чаще всего связаны с индивидом как агентом в обществе. Методология критического дискурс-анализа позволяет ответить на вопросы, какие структуры и стратегии в текстах и в коммуникации играют роль в воспроизводстве иерархий.

Преимущества сочетания

В интерпретации Е. Рождественской биография имеет «двойную структуру»: с одной стороны, она обусловлена социально и

является следствием институциональных практик, с другой – сконструирована с помощью Я-концепции ее носителя [4, с. 74]. Рождественская, перефразируя Хабермаса, пишет: «биография открывается как символически предструктурированный объект» [4, с. 74]. Метод Розенталя не позволяет понять характеристики этой символической структуры и институциональных практик. Метод реконструкции кейсов ставит акцент именно на кейсе в себе как на иллюстрации одного из возможных путей биографии. Реконструкция позволяет понять, какие события в биографии привели к тому, что человек говорит о своем опыте определенным образом, но этот метод не рассчитан на отдельное рассмотрение тех институтов и структур, которые послужили причиной этих событий или сформировали именно такой рассказ. Чтобы ответить на вопрос, как и какими институтами формируется нарратив, необходимо обратиться к дискурсам в обществе и к тем структурам, которые эти дискурсы производят. Для этого требуется дополнительный методологический инструментарий.

Некоторые исследователи, изучающие биографии и идентичности, уже обратились к дискурсам, при этом не используя метод критического дискурс-анализа. Так, социолог культуры Стюарт Холл определил понятие «идентичность» как «временную привязанность к субъектным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики» [18, р. 5]. Тем самым, в понимании Холла идентичность послужила «швом» между позицией субъекта и репрезентациями, структурами значения в обществе [18, р. 5] или между биографией и дискурсами. Из этого следует, что некоторые исследователи биографий и общества пришли к мысли, что существующих схем недостаточно для понимания нарративов и их конструирования. Отсюда – чтобы ответить на исследовательские вопросы биографических социологов, нужен инструментарий, который бы выходил за рамки изучения самих биографий и был бы настолько же структурирован, как метод изучения биографий. В таком контексте разумно обратиться к анализу социального контек-

ста, институциональной или медийной среды через критический дискурс-анализ, так как такой подход позволяет биографическим исследователям продолжить интерпретативную работу с текстами и языком, выходя за рамки нарративных интервью и прослеживая те же приемы и дискурсы в других источниках. Методы критического дискурс-анализа позволяют получить более полную картину о языке и о структурах значений и иерархий в релевантных для изучаемых биографий контекстах. Обращение к критическому дискурс-анализу позволяет исследователю биографий выйти за пределы вопросов о пережитом и рассказанном, расширяя оптику до вопросов, как формируется рассказанное и что структурирует пережитое.

Критический дискурс-анализ может стать также дополнительным инструментом, с помощью которого в частных биографиях исследователь сумеет вычленить общие социальные тенденции. В большинстве современных биографических исследований общее вычленяется из специфического с помощью построения типов биографий, но обращение к дискурсам в обществе может послужить дополнительным ресурсом для понимания «общего» и как оно влияет на специфическое.

Нарративное интервьюирование в свою очередь может стать дополнительным инструментом, с помощью которого при изучении дискурсов социолог может составить выборку источников для критического дискурс-анализа. Если речь идет об определенной группе людей, то в ходе нарративных интервью можно выяснить, какие именно дискурсы и мнения воспроизводятся респондентами, а также из каких источников они узнают о воспроизводимых ими дискурсах. Нарративное интервьюирование может тем самым стать предшествующей стадией критического дискурс-анализа, которая указала бы, на какие источники стоит обратить внимание. Это решает проблему выборки в рамках критического дискурс-анализа.

Тем самым, критический дискурс-анализ предлагает инструментарий, степень формализованности которого сопоставима с

методом Розенталь, что может способствовать пониманию, откуда берутся и как производятся дискурсивные практики, пронизывающие биографический нарратив. Элементы биографического метода могут также решить проблему выборки источников для критического дискурс-анализа. Сочетание столь разных методов может позволить социологам работать с разнообразными эмпирическими данными, дополняющими друг друга, и рассматривать общество с двух сторон: с точки зрения индивида и его опыта, а также институтов и властных отношений, формирующих язык, с помощью которого индивиды описывают свой опыт.

Пример сочетания в эмпирическом исследовании

Возьмем для примера социологическое исследование, которое сочетает в себе биографический метод и метод критического дискурс-анализа, что позволяет прийти к выводам, которые были бы невозможны без вовлечения обеих школ. Исследование посвящено репатриации в биографическом опыте российских немцев, переехавших в Германию, а его цель – выявление последствий репатриации для их идентичности. Акцент ставится на индивидуальном опыте (исследуются биографии репатриантов), но в ходе эмпирической работы появилась необходимость уделить внимание и структурным элементам, которые обусловили переезд российских немцев в Германию и их последующую адаптацию. На стадии анализа материала реконструкция кейсов указала на наличие доминирующего нарратива среди всех семейных историй респондентов, а затем дискурс-анализ текстов из газет, журналов и официальных сайтов, выставочных материалов помог понять, каким образом конструируется доминирующий нарратив репатриации. Ниже продемонстрирован процесс анализа материалов.

Понимание идентичности в исследовании, где сочетаются оба метода, основывается на концепции «нарративная идентичность»,

т.е. осознании человека себя во времени через рассказ и придание смыслов своему опыту и жизненному пути [4, с. 85]. Этот подход основан на допущении, что рассказ делает возможными социальные действия, а те в свою очередь формируют новые рассказы. Так, нарратив лежит в основе социальных процессов, а также институциональных и межличностных взаимодействий [19, р. 621]. Нарративную идентичность можно раскрыть, проанализировав биографическое интервью.

Первая стадия исследования – проведение и анализ нарративно-биографических интервью.

Корпус включает в себя интервью с 30 российскими немцами, проживающими в Германии (15 женщин, 15 мужчин), представляющими собой гетерогенную группу выходцев из стран бывшего СССР. Первая выборка респондентов для глобального анализа была сделана по принципу теоретической выборки [20, р. 143; 21, р. 99], т.е. была сформирована исходя из представлений, что в разных городах и поселениях могут быть различные условия для адаптации и социализации российских немцев. Выборка представляла из себя набор кейсов максимальной вариации, т.е. все распространенные модели изучаемого явления (по месту проживания в Германии и в бывшем СССР, уровню образования, политическим предпочтениям, религиозной принадлежности, роду занятости в Германии). Далее, выборка для более глубокой реконструкции кейсов была сформирована по принципу целевой выборки [22, р. 227; 23, с. 120], т.е. представляла из себя три кейса вариаций по принципу политической ангажированности респондента.

Анализ биографических интервью показал, что доминирующий нарратив среди уехавших в Германию российских немцев заключается в следующей формуле: «Нас пригласила Екатерина II в Поволжье, где мы жили и трудились до репрессий при Сталине. Нас депортировали в Сибирь и в Среднюю Азию, где наши предки работали в трудовой армии. После окончания войны мы подвергались дискриминации в СССР. Потом нас пригласил Гельмут Коль

в Германию, и мы уехали из-за националистических настроений конца 1980-х и 1990-х». Такой или похожий нарратив фигурировал в первой части интервью (в нарративном блоке) всех респондентов. Во время расспроса в течение второй части интервью во всех случаях, за исключением двух, из ответов респондентов следовало, что их семейная история кардинально отличается от представленного в первой части интервью нарратива. Например, в одном из интервью респондент очень подробно рассказал о своей семейной истории. Но на стадии расспроса о деталях выяснилось, что он ознакомился с историей своей семьи в основном через материалы, распространяемые в интеграционном доме в его городе.

Во-первых, я конечно начал спрашивать маму. Она очень удивилась: «А почему тебя это волнует?» Сначала, придя в эту некоммерческую организацию (в интеграционный дом – *О.З.*), мне дали какую-то информацию по этому поводу, я удивился, что такое было вообще, потому что не знал ни о какой депортации, ни о чем вообще. И в этом направлении я начал все это смотреть и рассматривать... Я сначала здесь (в интеграционном доме – *О.З.*) узнал достаточно много, а потом начал родителей спрашивать, потому что начал это переносить на свою семью и хотел понять, как это и что. Я понял, что мои родители тоже немного об этом знают, потому что им тоже мало рассказывали. Но тогда еще был мой дедушка живой и я у него начал спрашивать. <...> Он сказал: «А что тебе надо?» Он во-первых говорил на немецком языке, на таком старом швабском немецком языке. <...> Он мне рассказал, что он был в Крыму, он рассказал, что в ходе депортации потерял чуть ли не всю семью, и он рассказал, что они приехали туда, и все. Больше он ничего не рассказывал: он не рассказывал, как им было трудно, как они жили там, он был еще маленьким тоже тогда.

Интервью указали на то, что российские немцы, эмигрировавшие в Германию, представляют коллективный миф в качестве личной истории.

Вторая стадия исследования была посвящена поискам ответа на вопрос, как формируется этот коллективный миф. В первую

очередь был проведен критический дискурс-анализ публикаций, документов, связанных с историей, переселением, интеграцией российских немцев и с соответствующей государственной политикой. Мы обратились к материалам, которые распространяются в лагерях для переселенцев, в интеграционных домах, на культурных мероприятиях для российских немцев. В Приложении 1 приведен список источников, составленный по схеме З. Йегера во время подготовительной стадии дискурс-анализа.

Источники отбирались по принципу релевантности теме социальных последствий репатриации в биографическом опыте российских немцев. Так как мы выявили из биографических интервью, какими именно источниками знаний о российско-немецкой истории пользуются респонденты и где находятся места сбора российских немцев, мы обратились к этим источникам и «местам», провели сбор информации и включенные наблюдения с ведением протоколов и дневников, и составили список источников дискурсов. На стадии формирования этого списка мы решили проблему выборки в рамках метода критического дискурс-анализа: наша выборка формировалась на основе информации, полученной из биографических интервью, сужая тем самым спектр возможных источников и позволяя нам сконцентрировать внимание только на тех текстах, которые могли оказать непосредственное влияние на респондентов (их нашли в тех «местах», на которые ссылались в интервью).

Был проведен структурный анализ каждого источника по З. Йегеру. Этот процесс включал в себя описание типа текста, главных тем, заголовков и подзаголовков, символики, краткое содержание, и т. д. Затем на основе сравнения источников между собой были выделены типичные фрагменты дискурса. Пример типичного фрагмента можно найти в журнале *Volk auf dem Weg* («Народ в пути») от января 2014 г., который раздают в лагере для переселенцев и в интеграционном доме в Берлине. В Приложении 2 представлена выдержка из этого текста и продемонстрирован сокращенный вариант его анализа.

Фрагмент типичен для журнала *Volk auf dem Weg* и других исторических текстов из перечня источников, поскольку он затрагивает тему истории семьи в контекстах эпохи Екатерины II, депортации и трудовой армии в СССР, а также подчеркивает принадлежность российского немца к Германии в исторической перспективе. Визуальным дополнением текста служит фотография главного героя статьи – Роберта Губера. В названном журнале почти не встречаются фотографии или картины, не изображающие портреты героев статей. В тексте важны связи между семейной историей главного героя, его отношением к Германии как к родине и его ролью в землячестве российских немцев. Общий замысел текста – это рассказ об истории одной семьи в контексте истории Германии и репрессий в СССР, и конструирование этой истории в качестве генерализируемого нарратива других российско-немецких семей.

Критический дискурс-анализ источников показал, что все государственные и общественные институты и организации российских немцев (например, землячество, культурные центры, интеграционные центры, клубы для молодежи) так или иначе затрагивают тему их истории. Критический дискурс-анализ также позволил выявить официальную концептуализацию места, которое отводится российским немцам в историческом нарративе ФРГ в целом, и показал, что российские немцы представлены в доминирующем здесь официальном дискурсе в качестве жертв советских репрессий, людей, чей «дом» на протяжении многих поколений — это Германия, и, наконец, группа лиц, которые нашли справедливость при переезде на историческую родину.

В результате анализа интервью и критического дискурс-анализа материалов удалось зафиксировать некоторые тенденции в рассказах респондентов и в позиции государственных организаций и институтов по вопросам миграции и истории российских немцев. Во-первых, анализ 30 биографических интервью уехавших в Германию российских немцев указал на присутствие четкого доминирующего нарратива в их рассказах о себе. Во-вторых,

анализ институциональной среды российских немцев в Германии наличие у государственных структур механизмов производства и распространения этого нарратива.

Нам удалось, сочетая данные из биографических интервью и из последующего дискурс-анализа продемонстрировать, как нарратив истории российских немцев структурируется институциональными «фильтрами», сквозь которые проходят и в формировании которых участвуют российские немцы в Германии. Взаимодействие с этими фильтрами начинается с момента сбора и подачи документов на выезд в Германию, когда российские немцы должны доказать свою этническую принадлежность, что часто требует поиска документов, позволяющих воссоздать истории их семей, в архивах. Далее, конструирование и переписывание семейных историй в терминах, предлагаемых немецкими властями, продолжаются на территории Германии после переезда в лагеря для переселенцев, где российские немцы проходят интервью и получают литературу (в форме нормативно-правовых актов, а также журналов и газет) про свой новый статус и открывающиеся перед ними возможности. После распределения переселенцев в города проживания, нарративы истории «народа» структурируются в общественных организациях российских немцев, которые финансируются государственными грантами, и их социальные и культурные программы отвечают соответствующей повестке дня государственных структур. Эти фильтры формируют нарратив идентичности и семейной истории. Те российские немцы (как правило, представители младших поколений), кто мало знает свою семейную историю, получают сведения о коллективной истории российских немцев от немецких государственных структур и присваивают эти нарративы себе. Представители старших поколений присваивают себе эти нарративы, поскольку от оформления сведений о своей семейной истории зависит теперь их юридический статус. Таким образом, доминирующие нарративы истории российских немцев формируются государством и основываются на идее о репрессированных в СССР этнических немцах.

Заключение

Приведенный в данной статье пример демонстрирует, что в некоторых случаях целесообразно сочетать биографический метод и критический дискурс-анализ, чтобы получать более полную картину контекстов, с которыми работает исследователь. Чтобы найти способы совмещать эти методы, биографическим и дискурс-аналитическим социологам необходимо выйти за рамки своих академических сообществ и вступить в диалог. Сочетание подходов помогает ответить на исследовательские вопросы, которые ставят социологи, так как только двойная биографически-дискурсивная оптика позволяет увидеть общество с двух сторон: во-первых, частной биографии и, во-вторых, институтов, оказывающих влияние на ее формирование.

Для понимания каждой биографии важен анализ среды. Тут инструментарий критического дискурс-анализа позволяет подступиться и к социальной, и к политической среде респондентов. Но вычлнить границы «среды», т. е. понять, какая именно дискурсивная нить относится к данной биографии, не всегда просто. Дискурсивную нить необходимо искать, отталкиваясь от текста нарративно-биографического интервью. Это означает, что необходимо зафиксировать в биографических рассказах элементы общественных дискурсов и «искать» истоки этих дискурсов в тех контекстах, откуда их взял респондент. В случае нашего примера, исследователь физически проехал по тем местам и организациям, через которые прошли респонденты во время своего переезда и адаптационного периода в Германии. Сбор материалов помог понять границы эмпирических источников для критического дискурс-анализа, тем самым решая проблему выборки в рамках данного метода. Затем исследователь возвращается к интервью и прослеживает стратегии присвоения российскими немцами дискурсов при описании собственного опыта. Это раскрывает тип и причины позиционирования себя респондентом определенным образом.

Поиск новых сочетаний существующих методов позволит исследователям преодолеть диктуемые традициями парадигмы и работать, основываясь на эмпирике. Сочетание биографического метода и критического дискурс-анализа, к примеру, может позволить проанализировать более сложный корпус материалов, чем эти методы позволили бы по отдельности. Это в свою очередь может помочь прийти к более многослойным заключениям относительно объекта исследования. По этой причине важно развивать диалог между представителями разных школ, чтобы находить новые способы работы с многомерными феноменами современного социального мира. Таким путем можно внести вклад и в уточнение методологического инструментария социологов, и в углубление понимания социальных явлений, и в развитие социологии как единой дисциплины, в рамках которой представители разных направлений могли бы общаться друг с другом на общем языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wundrak R.* Geschichten über versus Geschichten von?! Eine triangulierende Diskursanalyse am Beispiel der chinesischen Community in Bukarest // *Methodologie und Praxis der Wissenssoziologischen Diskursanalyse* / Ed. R. Keller, I. Truschkat. Wiesbaden: Springer Fachmedien VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2013. S. 249–279.
2. *Pohn-Weidinger M.* Heroisierte Opfer: Bearbeitungs- und Handlungsstrukturen Von «Trümmerfrauen» in Wien. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2014.
3. *Рождественская Е.Ю.* Хакамада – опыт деконструкции политической биографии // *Гендерные исследования*. 2010. Т. 20. № 21. С. 149–165.
4. *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
5. *Rosenthal G.* Interpretative Sozialforschung: Eine Einführung. Auflage: 4. Weinheim u.a.: Beltz Juventa, 2014.
6. *Bude, H.* Der Sozialforscher als Narrationsanimateur: zur Kritik einer erzähltheoretischen Fundierung der interpretativen Sozialforschung // 22. Deutscher Soziologentag. 1985.
7. *Alheit P.* «Biographizität» als Lernpotential: Konzeptionelle Überlegungen zum biographischen Ansatz in der Erwachsenenbildung // *Erzieh. Biogr.* / Ed. H.-H. Krüger, W. Marotzki. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. S. 276–307.
8. *Brown G.* Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

9. *Gee J.P.* An Introduction to Discourse Analysis 4th Edition: Theory and Method. Routledge, 2014.
10. *Edelman M.* Political Language and Political Reality // PS Polit. Sci. Polit. 1985. Vol. 18. No. 1. P. 10–19.
11. *Wodak R.* Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. John Benjamins Publishing, 1989.
12. *Van Dijk T.A.* Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse & Society. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 249–283.
13. *Link J., Hörisch J., Pott H.G.* Elementare Literatur und generative Diskurs-analyse. Muenchen: W. Fink, 1983.
14. *Jäger S., Maier F.* Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis. London: SAGE, 2009.
15. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Routledge, 2013.
16. *Keller R.* Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. Auflage: 3., aktualisierte Aufl. 2007. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.
17. *Antaki C.* et al. Discourse analysis means doing analysis: a critique of six analytic shortcomings // Discourse Analysis Online. 2003. URL: <http://extra.shu.ac.uk/daol/articles/v1/n1/a1/antaki2002002.html> (date of access: 01.08.2014).
18. *Hall S.* Introduction: Who Needs «Identity»? // Questions of Cultural Identity. London: SAGE, 1996.
19. *Somers M.R.* The narrative constitution of identity: A relational and network approach // Theory and Society. 1994. Vol. 23. No. 5. P. 605–649.
20. *Corbin J., Strauss A.* Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2008.
21. *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis. London: SAGE, 2006.
22. *Mason J.* Qualitative Researching. London: SAGE, 2002.
23. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. 2-е изд. М.: КДУ, 2002.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА ДИСКУРСИВНОЙ НИТИ
«РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ГЕРМАНИИ»

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Журнал землячества российских немцев <i>Volk auf dem Weg</i> (журнал целиком)	Лагерь Фридланд и интеграционные дома в Берлине и в Гамбурге	Самый тиражируемый журнал в Германии, его целевая аудитория – российские немцы. Распространяется в интеграционных домах, в лагере для переселенцев, а также по почте. Только что приехавшим в Германию российским немцам полагается скидка на подписку, которую легко приобрести в лагере или в интеграционном доме. Издаётся землячеством российских немцев в Германии, имеющем представителей по всей стране. Лидеры землячества политически активны на местном и федеральном уровнях
Эссе победительницы конкурса организации <i>Deutsche Gesellschaft e. V.</i> на тему «Сколько родины нужно человеку?»	Организация <i>Deutsche Gesellschaft e. V.</i>	Текст эссе соответствует доминирующим в организации <i>Deutsche Gesellschaft e. V.</i> представлениям о родине. Проведение конкурса указывает на приоритетность права государственных органов, которые финансировали конкурс, вбросить в дискурсивное пространство Германии обсуждение темы эссе. Эссе победителя конкурса актуализирует представленную тему, что поощряется государством и организацией <i>Deutsche Gesellschaft e. V.</i>

Продолжение

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Плакаты и тексты с плакатов выставки истории российских немцев в Берлине	Выставка истории российских немцев в Берлине	Выставка профинансирована берлинским интеграционным домом «Лира», главой городского района Марцана, и партией <i>Die Linke</i> («Левая партия» Германии). Финансирование выставки политическими организациями отражает их приоритетность в работе с историей российских немцев. На выставку водят на экскурсию школьников и пенсионеров, группами приглашают прибывших российских немцев, а в выставочном пространстве для них проходят культурные мероприятия (концерты, стихотворные чтения, встречи литературного кружка). Следовательно, пространство выставки и представленные здесь фотографии и тексты регулярно на виду у различных групп посетителей, в том числе российских немцев
Сайт интеграционного дома «Лира» Берлине (сайт целиком)	Интеграционный дом «Лира» в Берлине	В интеграционный дом «Лира» приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации по вопросам интеграции, трудоустройства, поиска жилья, перевода и сопровождения в немецкие государственные органы, юридическим проблемам. Сайт информирует об этих услугах интеграционного дома и о мероприятиях для российских немцев в Берлине

Продолжены

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Плакаты из интеграционного дома «Лира» в Берлине	Интеграционный дом «Лира» в Берлине	В интеграционный дом приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации. Следовательно, пространство интеграционного дома и представленные здесь фотографии и тексты регулярно на виду у вновь прибывших или нуждающихся в услугах интеграционного дома российских немцев
Сайт интеграционного дома в Гамбурге (сайт целиком)	Интеграционный дом в Гамбурге	В интеграционный дом приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации по вопросам интеграции, трудоустройства, поиска жилья, перевода и сопровождения в немецкие государственные органы, юридическим проблемам. Сайт предоставляет информацию об этих услугах интеграционного дома и о мероприятиях для российских немцев в Гамбурге
Брошюры из интеграционного дома в Гамбурге	Интеграционный дом в Гамбурге	Брошюры служат источником информации для российских немцев о событиях, выставках, услугах в городе

Продолжение

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Плакаты из интеграционного дома в Гамбурге	Интеграционный дом в Гамбурге	В интеграционный дом приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации Следовательно, пространство интеграционного дома и представленные в нем фотографии и тексты регулярно на виду у вновь прибывших или нуждающихся в услугах интеграционного дома российских немцев
Журналы из пограничного лагеря «Фридланд» для переселенцев (журналы целиком)	Пограничный лагерь «Фридланд»	Журналы лежат в залах ожидания для оформления документов лагеря и раздаются прибывшим в Германию российским немцам. Включенное наблюдение показало, что приехавшие читают или листают журналы, подолгу ожидая в очереди приема для оформления своих документов. Так можно получить интересующую информацию, сформировать первые впечатления о стране и об общине
Официальный сайт пограничного лагеря «Фридланд» для переселенцев (сайт целиком)	Пограничный лагерь «Фридланд»	На сайте размещена историческая справка о лагере, в частности, о работающих здесь организациях. Сайт отражает усредненную текущую политическую позицию властей ФРГ по вопросам миграции

Продолжение

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Экскурсия в пограничный лагерь «Фридланд»	Пограничный лагерь «Фридланд»	<p>Экскурсия по лагерю, проведенная его сотрудником, велась по официальным заметкам, которые здесь хранятся. Сюда приезжают рабочие коллективы на корпоративы, школьники, пенсионеры, научные исследователи, а также люди, которые ранее проживали в лагере. Экскурсовод затрагивает темы использования пространства, позиции ФРГ по вопросам миграции, ее истории, описывает здешний распорядок дня и быт, деятельность организаций на территории лагеря, а также символику памятников. Экскурсовод показал и музей истории лагеря, а также рассказал о планах обустройства нового музея.</p> <p>Экскурсия важна, так как отражает официальную позицию администрации относительно функций и работы лагеря, но при этом содержит элементы личного субъективного рассказа экскурсовода. Экскурсия помогает зафиксировать элементы здешнего обустройства и показывает, как сотрудники и власти (госслужащие) позиционируют лагерь для внешних гостей. Некоторые официальные дискурсы об иммиграции и о российских немцах в Германии позиционируют лагерь</p>

Продолжение

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Выставочные материалы (фото, тексты) из музея «Фридланд»	Пограничный лагерь «Фридланд»	Музефикация действующего лагеря отражает конструирование территории в исторической перспективе и по отношению к различным группам мигрантов. Музей призван показать, каким образом лагерь вписан в историю Германии, а мигранты – в национальную идентичность немцев
Памятники на территории пограничного лагеря «Фридланд» и рассказ о них экскурсовода	Пограничный лагерь «Фридланд»	Памятники занимают много пространства в центральной части лагеря, символизируют миграцию в Германию
Аудио-запись, транскрипт и наблюдения (заметки в дневнике) встречи российских немцев с депутатом бундестага от христианско-демократического союза (партия <i>CDU</i>) Германии	«Русский дом» при посольстве Российской Федерации в Берлине	Показано, как российские немцы общаются с депутатом бундестага, и какова повестка дня отношения партии христианско-демократического союза к российским немцам
Аудио-запись и транскрипт встречи российско-немецких общественных деятелей с грантоделателями для планирования фестиваля <i>Deutsch-Russische Festtage</i> («Немецко-российские праздничные дни»)	Интеграционный дом «Лира» в Берлине	Показано, как аргументируют важность проведения мероприятия подающие на грант общественные деятели, и какие требования к ним и к мероприятию выдвигает грантодатель – представитель государственной организации

Окончание

Название (категория) источника	Происхождение источника	Релевантность исследования
Сайт Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (домашняя страница, http://www.bamf.de/DE/Startseite/startseite-node.html)	Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев	На сайте размещена юридическая информация для российских немцев. Там самым сайт отражает через юридические нормы политику ФРГ по отношению к переселенцам

Приложение 2

ПРИМЕР «ТИПИЧНОГО ФРАГМЕНТА» И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА О РОССИЙСКИХ НЕМЦАХ В ГЕРМАНИИ

Статья «“Круг замкнулся”: Роберт Губер воссоздал хронику 250 лет семейной истории». Автор: Нина Паульсен. Журнал *Volk auf dem Weg* («Народ в пути»), январь 2014, с. 37.

Текст	Кодирование	Примечание
Любимое занятие Роберта Губера в свободное время – это изучение генеалогии...	История семьи	
С эмиграции Людовика Губера около 250 лет назад началась семейная история, которую разделяют многие колонисты. Роберт Губер, погомек в восьмом поколении, перевез семью обратно в Германию. Это десять поколений Губеров	История семьи Другие российские немцы «Обратно» в Германию	Начало истории трактуется как отъезд из Германии, а заключение истории – возвращение в Германию Генерализация истории одной семьи

Текст	Кодирование	Примечание
<p>«Круг замкнулся. Я переехал обратно в то место, где началась моя семейная история с приглашения Екатерины», – сказал Роберт Губер в интервью на мероприятии, проведенном совместно гамбургским отделением землячества и гамбургским Обществом немцев из России в Музее этнографии Гамбурга в ноябре 2013 г. Благодаря стараниям Роберта Губера землячество немцев из России славитя очень хорошей репутацией и в земле Шлезвиг-Гольштейн. Особенно продуктивно прошли последние пять лет: активно поддержано и проведено множество мероприятий</p> <p>Роберт Губер родился в 1937 г. в Бальзере в бывшей республике поволжских немцев. В 1941 г. он и его родители были депортированы в Казахстан. Родители были мобилизованы на работу в трудовой армии, а Губер был помещен в детский дом на шесть лет. Он вырос в Целинограде и там учился в школе. Позднее получил высшее образование, завел семью и стал главой электроэнергетического предприятия в Атбасаре</p>	<p>«Обратно» в Германию</p> <p>Землячество</p> <p>Община российских немцев</p> <p>Землячество</p> <p>Активное землячество</p> <p>Община российских немцев</p> <p>История семьи</p> <p>Поволжская республика</p> <p>Депортация</p> <p>Жертвы</p> <p>Образование</p> <p>Карьера</p> <p>Семья</p>	<p>Фраза «обратно в Германию» всплывает много раз, высказываются идеи о связи поколений и пребывании нескольких поколений одной семьи на Волге и в республиках СССР – это лишь временный период, который логично закончился возвращением Ингерес Губера к истории собственной семьи помещен в контекст деятельности и репутации землячества и другой российско-немецкой организации. Слова «активно поддержано» могут подразумевать получение гранта</p>

Zeveleva Olga

National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, ozeveleva@hse.ru

**Biographical Method and Critical Discourse Analysis:
Prospects for Combination**

At first glance, biographical methods in sociology on the one hand and critical discourse analysis on the other hand occupy opposite positions on the structure-agency spectrum. While biographical sociology assumes great agency on the side of interviewees and examines an interview as text, critical discourse analysis focuses on texts produced in specific institutional frameworks. This paper examines the possibilities and limitations for combining these two approaches in a research project. First, the author juxtaposes the underlying assumptions of biographical research as done by Gabriele Rosenthal and the foundations of critical discourse analysis as done by Siegfried Jäger. Next, the author presents an example of an empirical situation where a combination of the approaches can be methodologically sound for a qualitative research project. The author thus offers a methodological argument for combining biographical sociology with critical discourse analysis, illustrating the merits of such a mixed approach with the example of a study on biographies of Russian-Germans and discourses which surround Russian-German policies in Germany.

Keywords: discourse analysis, biographical studies, migration, qualitative methods.

References

1. Wundrak R. “Geschichten über versus Geschichten von?! Eine triangulierende Diskursanalyse am Beispiel der chinesischen Community in Bukarest”, in: Keller R., Truschkat I. (eds.) *Methodologie und Praxis der Wissenssoziologischen Diskursanalyse*. Wiesbaden: Springer Fachmedien VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2013. S. 249–279.
2. Pohn-Weidinger M. *Heroisierte Opfer: Bearbeitungs- und Handlungsstrukturen Von “Trümmerfrauen” in Wien*. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2014.
3. Rozhdestvenskaya E. Y. “Hakamada – opyt dekonstrukcii politicheskoy biografii” (in Russian), *Gendernye Issledovanija (Gender Studies)*, 2010, 20 (21), 149–165.
4. Rozhdestvenskaya E. Y. *Biograficheskij metod v sociologii* (in Russian). M.: Izdatel'skij dom NIU VSHE, 2012.
5. Rosenthal G. *Interpretative Sozialforschung: Eine Einführung*. Auflage: 4. Weinheim u.a.: Beltz Juventa, 2014.

6. Bude, H. "Der Sozialforscher als Narrationsanimateur: zur Kritik einer erzähltheoretischen Fundierung der interpretativen Sozialforschung", 22. *Deutscher Soziologentag*, 1985.
7. Alheit P. "Biographizität" als Lernpotential: Konzeptionelle Überlegungen zum biographischen Ansatz in der Erwachsenenbildung", in: Krüger H.-H., Marotzki W. (eds.) *Erzieh. Biogr.* VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. S. 276–307.
8. Brown G. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
9. Gee J.P. *An Introduction to Discourse Analysis 4th Edition: Theory and Method*. Routledge, 2014.
10. Edelman M. "Political Language and Political Reality", *PS Polit. Sci. Polit.*, 1985, 18 (01), 10–19.
11. Wodak R. *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. John Benjamins Publishing, 1989.
12. Van Dijk T.A. "Principles of Critical Discourse Analysis", *Discourse & Society*, 1993, 4 (2), 249–283.
13. Link J., Hörisch J., Pott H.G. *Elementare Literatur und generative Diskursanalyse*. München: W. Fink, 1983.
14. Jäger S., Maier F. "Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis", in: *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: SAGE, 2009.
15. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge, 2013.
16. Keller R. *Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen*. Auflage: 3., aktualisierte Aufl. 2007. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.
17. Antaki C. et al. "Discourse analysis means doing analysis: a critique of six analytic shortcomings", *Discourse Analysis Online*. 2003. URL: <http://extra.shu.ac.uk/daol/articles/v1/n1/a1/antaki2002002.html>
18. Hall S. "Introduction: Who Needs "Identity"?", *Questions of Cultural Identity*. London: SAGE, 1996.
19. Somers M.R. "The narrative constitution of identity: A relational and network approach", *Theory and Society*, 1994, 23 (5), 605–649.
20. Corbin J., Strauss A. *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2008.
21. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. London: SAGE, 2006.
22. Mason J. *Qualitative Researching*. London: SAGE, 2002.
23. Deviatko I.F. *Metody sociologicheskogo issledovanija* (in Russian). 2-e izd. M.: KDU, 2002.